

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОКРУГА

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРАКТИКИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОКРУГА)

КАРПЕКИН Ю. Б., заместитель председателя Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа кандидат юридических наук.

КИЗИЛОВ С. Ю., аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права.

Сделка – один из самых распространенных юридических фактов в гражданском праве. Активность и развитость имущественного оборота характеризуется количеством совершаемых в обществе сделок.

Сделка совершается волевыми действиями лиц, обладающих гражданской дееспособностью. Основой осмысленного действия является возникновение объективной потребности в чем-либо. Далее субъект сделки осознает потребность (мотив сделки), анализирует возможные варианты по достижению (реализации) намеченной цели, выбирает один из них и принимает решение совершить сделку. Так происходит процесс формирования внутренней воли (так называемое «волеобразование») на совершение сделки.

Мотив является важным звеном одного из элементов сделки – внутренней воли лица, совершающего сделку. По общему правилу, сформулированному в законодательстве (абз. 2 п. 1 ст. 178 ГК РФ), мотив сделки лежит вне самой сделки и не влияет на ее действительность. Однако это не означает, что для действительности сделки мотив вовсе безразличен. Мотив может иметь значение при оценке судом процесса волеформирования на совершение сделки. Кроме того, мотив имеет значение для квалификации сделки как мнимой или притвор-

ной. Мнимая сделка совершается без намерения (соответственно и без мотива) создать соответствующие ее основанию (цели) правовые последствия (п. 1 ст. 170 ГК РФ) и является ничтожной. Притворная сделка совершается участниками с намерением прикрыть другую сделку. При совершении притворной сделки стороны так же, как и при мнимой сделке, желают наступления не тех правовых последствий, которые вытекают из факта совершения притворной сделки.

В связи с тем, что лицо вправе совершать сделки как лично, так и через представителя, в юридической литературе поднимался вопрос о том, что считать волей на совершение сделки: волю представителя или волю представляемого. В частности, А. Гордон писал: «смысл представительства состоит в том, что представитель сам совершает юридические действия от имени представляемого, при этом проявляет свою волю, которая признается волей самого представляемого»¹. И. Б. Новицкий указывал на то, что речь в данном случае должна идти о воле представителя². Отметив особенности представительства, наиболее убедительной представляется позиция других авторов, которые полагают, что в качестве элемента сделки следует рассматривать как волю представляемого, так и волю представителя³.

Представитель, реализуя правомо-

¹ Гордон А. Представительство в гражданском праве, СПб., 1979. С.16.

² Советское гражданское право. М.: Госюриздат, 1959. С. 97.

³ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия, Л., 1960. С.91-92; Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 69

чия, вытекающие из наделенных представляемым лицом полномочий, совершает юридические действия, выступая в гражданском обороте от имени представляемого. При этом представитель, во-первых, должен осознавать юридический характер своих действий в силу того, что представителем может быть только лицо, обладающее гражданской дееспособностью. Во-вторых, именно от воли представителя зависит совершение сделки и, соответственно, возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей у представляемого. В-третьих, представитель в силу одностороннего характера правоотношений с представляемым, как правило, не обязан (но вправе) совершать сделки от имени последнего.

Необходимо учитывать также то, что у представителя отсутствует юридический интерес к совершаемой от имени представляемого сделке (на участие в возникшем правоотношении). Тем не менее у представителя может быть интерес не к самой сделке, а к надлежащему совершению поручения доверителя.

В судебной практике встречаются дела, по которым узловым моментом является правильная квалификация возникших между субъектами гражданского оборота правоотношений представительства. Так, например, в арбитражный суд обратилась инспекция Министерства РФ по налогам и сборам с иском к ООО «Экологосхим» о взыскании штрафа, предусмотренного п.1 ст. 122 НК РФ, за неуплату налога на добавленную стоимость в связи с неправильным применением налоговых вычетов.

Решением, оставленным без изменения постановлением апелляционной инстанции, иск удовлетворен.

Обе судебные инстанции исходили из того, что подотчетное лицо приобрело и оплатило товарно-материальные ценности по документам, выписанным на имя ответчика; товар принят к учету. Однако ответчик не рассчитался с подотчетным лицом. На этом основании суды пришли к выводу о том, что налогоплательщик необоснованно принял к вычету сумму налога на добавленную стоимость, уплаченную продавцу за товарно-материальные ценности, что привело к неполной уплате НДС.

ООО «Экологосхим» в кассационной жалобе указало на то, что суды не применили к спорным правоотношениям нормы о

представительстве (ст. 28 НК РФ, ст. 182 ГК РФ).

Проверив законность судебных актов, суд кассационной инстанции их отменил и в иске отказал.

Материалы дела свидетельствуют о том, что по результатам выездной налоговой проверки инспекцией Министерства РФ по налогам и сборам принято решение, в соответствии с которым с ООО «Экологосхим» предписаны к взысканию: НДС, пени и штраф за просрочку уплаты налога.

Основанием для привлечения общества к налоговой ответственности, как следует из акта проверки, послужили следующие обстоятельства.

Подотчетное лицо приобрело и оплатило товарно-материальные ценности за наличный расчет по счетам-фактурам, выписанным на имя общества «Экологосхим». Не рассчитавшись с подотчетным лицом, общество приняло к вычету сумму налога на добавленную стоимость, уплаченную продавцу.

Кассационная инстанция, отменяя принятые по делу судебные акты и принимая новое решение, указала, что задолженность общества перед подотчетным лицом не может служить основанием для признания вычета необоснованным, поскольку, приобретая за наличный расчет товарно-материальные ценности, подотчетное лицо выступало в качестве уполномоченного представителя организации.

Подотчетное лицо, закупая товары по поручению предприятия, действовало при этом от имени и в интересах предприятия. В соответствии со ст. 182 ГК РФ сделка, совершенная представителем, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Из этого следует, что при покупке товаров за наличный расчет через представителя общество фактически считается плательщиком средств, в том числе и НДС. Поэтому оно имеет право на налоговый вычет.

Отмечая особенности отношений представительства, можно заключить, что воля на совершение сделки образуется как с участием представляемого (возникновение потребности в чем-либо, осознание потребности, формирование мотива), так и с участием представителя (осознание способов достижения поставленных представляемым целей и выбор одного из них).

Небезупречность позиции авторов,

считающих необходимым рассматривать в качестве воли на совершение сделки исключительно волю представителя, проявляется, в частности, в ситуации, когда представляемый, заблуждаясь относительно природы будущего договора, выдает доверенность представителю на заключение договора. При таких условиях признать сделку по выдаче доверенности представителю у суда нет оснований, поскольку представляемый заблуждался не относительно природы односторонней сделки - выдачи доверенности, а относительно будущего договора. Поэтому сделка, заключенная представителем на основании полномочий, вытекающих из доверенности, не может быть признана недействительной по ст. 178 ГК РФ, т. к. воля представляемого при поставленных условиях не должна приниматься во внимание. Очевидно, что такое положение вещей недопустимо и является нарушением принципа справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), а также противоречит праву субъектов гражданского права приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Позиция других авторов, считающих, что при совершении сделки через представителя учету подлежит исключительно воля представляемого, также является малоубедительной. Если исходить из такого предположения, то в случае, когда представитель совершил сделку на основании доверенности, но вопреки своей воле (например, в силу обмана, угрозы, заблуждения), у суда не будет оснований признать сделку, совершенную представителем, недействительной, что также противоречит основным началам гражданского законодательства (п. 2 ст. 1, п. 2 ст. 6 ГК РФ).

Вывод о необходимости рассмотрения в качестве воли на совершение сделки как воли представляемого, так и воли представителя имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, т.к. признание представителя одним из источников процесса волеформирования дает основание правоприменителю принимать во внимание требования законодательства к свободному формированию воли на совершение представителем сделки, а также к соответствию содержания волеизъявления представителя его

подлинной воле. Эта точка зрения находит подтверждение в арбитражной практике.

ОАО «Гастроном» обратилось в арбитражный суд с иском к ООО «Магистраль», ООО «Маска» о признании договора купли-продажи помещения магазина «Юбилейный» недействительным и истребовании помещения магазина из чужого незаконного владения.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано. Решение было обжаловано в кассационную инстанцию.

Исследовав материалы дела, суд кассационной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменений, кассационную жалобу без удовлетворения. При этом кассационная инстанция исследовала как волю представителя (на заключение договора купли-продажи), так и волю представляемого, а также указала на недопустимость «подмены воли представителя волей представляемого».

Одной только внутренней воли лица недостаточно для совершения сделки. Для того, чтобы совершить сделку, сделкоспособному лицу необходимо предпринять действия, соответствующие его внутренней воле.

Действия лица, реализующего свою внутреннюю волю (волеизъявление), являются внешней формой проявления сделки, доступной к восприятию другими участниками гражданских правоотношений. Посредством волеизъявления лицо, совершающее сделку, реализует свою сделкоспособность.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения о том, какому элементу сделки закон отдает предпочтение: воле или волеизъявлению. Можно выделить три основные позиции по этому вопросу. Одни авторы указывают на то, что предпочтение отдается воле⁴, другие полагают, что волеизъявлению⁵, третьи считают, что оба элемента совершенно необходимы и равнозначны⁶.

Опираясь на положения современного гражданского законодательства, можно признать наиболее убедительной вторую позицию.

Сделка - это всегда действие, и только с волеизъявлением закон связывает юридические последствия сделки, на что ука-

⁴ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Изд-во ЛГУ, 1960. С. 7; Шахматов В.П. Основные проблемы теории сделок по советскому гражданскому праву: Автореф. Канд. Дис. 1951. С.89

⁵ Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С.22; Советское гражданское право. Т.1, 1959. С. 154.

⁶ Ф.С. Хейфец «Недействительность сделок по российскому гражданскому праву», М., 2000

зывает ст.153 ГК РФ. Сделка определяется законом как «...действия граждан и юридических лиц...». Волеизъявление и есть юридический факт, влекущий возникновение, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей. Именно с момента волеизъявления сделка считается совершенной. Если субъект гражданского права обладает волей на совершение сделки, но не совершит обусловленные целью сделки действия, то сделка так и остается не совершенной и «не состоявшейся» как сделка и, следовательно, не способна повлечь юридических последствий сделки.

Следует отметить, что «не состоявшейся» сделкой следует также признавать сделку, совершенную неуполномоченным лицом. В таких сделках волеизъявление выражено, но оно не становится волеизъявлением доверителя, т. к. выходит за пределы полномочий поверенного. Иногда арбитражные суды, признавая договор незаключенным (сделку «не состоявшейся»), указывают и на недействительность сделки. Примером тому может служить следующее дело.

Так, государственное учреждение «Административно-технический центр Управления юстиции Российской Федерации по Камчатской области» (далее – ГУ) обратилось в арбитражный суд с иском к Камчатской областной организации Всероссийского общественно-политического движения «Союз налогоплательщиков России» о признании договора уступки требования ничтожным.

Решением суда исковые требования удовлетворены. Спорный договор уступки требования был признан недействительным по тем основаниям, что подписан неуполномоченным лицом, и данная сделка не соответствует требованиям п. 3 ст. 62 ГК РФ и п. 4 ст. 575 ГК РФ.

В апелляционной инстанции дело не рассматривалось.

ГУ обжаловало в кассационной инстанции принятый судебный акт.

Проверив законность решения суда первой инстанции, кассационная инстанция отметила, в частности, следующее.

ГУ в лице директора и Камчатская областная организация Всероссийского общественно-политического движения «Союз налогоплательщиков России» заключили договор уступки требования.

Судом первой инстанции установлено, что на момент заключения спорного договора об уступке требования ГУ было ликвидировано и в учреждении создана ликви-

дационная комиссия, что подтверждено приказом.

Учитывая, что в силу п. 3 ст. 62 ГК РФ с момента назначения ликвидационной комиссии к ней переходят функции и права органов юридического лица, договор со стороны истца заключен ненадлежащим лицом-директором учреждения, не имеющим полномочий на его заключение.

Принимая во внимание это обстоятельство, суд кассационной инстанции указал на то, что договор не заключен, и пришел к выводу об отсутствии оснований к отмене решения суда первой инстанции о ничтожности заключенного договора об уступке требования.

При толковании договора в соответствии со ст. 431 ГК РФ суд обязан уяснить содержание условий договора, руководствуясь волеизъявлением сторон договора. Это происходит путем принятия во внимание буквального значения содержащихся в договоре слов и выражений. Буквальное значение каждого условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (абз. 1 ст. 431 ГК РФ). При этом, если содержание договора не вызывает у суда сомнений, то процедура толкования на этом прекращается.

Предприниматель без образования юридического лица обратился в арбитражный суд с иском к акционерному обществу открытого типа «Хорольский завод сухого обезжиренного молока» о взыскании на основании ст. 15 ГК РФ задолженности по договорам подряда.

Арбитражный суд в удовлетворении исковых требований отказал.

Не согласившись с решением, истец обратился в кассационную инстанцию с требованием об отмене решения в связи с неправильным применением судом норм материального и процессуального права.

При этом заявитель жалобы полагал, что при рассмотрении договоров подряда суд, в том числе, не определил, на достижение каких целей была направлена воля сторон при их заключении, указав в жалобе на следующее.

Из договоров следует, что истец обязался оказать услугу по подготовке документов по делу о несостоятельности ответчика, а последний обязался возместить расходы истца по эксплуатации и управлению его личным автотранспортом. В материалах дела имеются документы, свидетельствующие о

том, что ответчик принимал отчеты о расходовании горюче-смазочных материалов, путевые листы, а расходы истца оплачивал не в полном объеме. По мнению заявителя жалобы, суд не применил нормы главы 39 Гражданского кодекса РФ о возмездном оказании услуг, а также неправильно применил нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», что привело к принятию незаконного решения.

Исследовав содержание договоров подряда, кассационная инстанция сделала вывод об отсутствии в них существенных условий договора подряда, предусмотренных ст. 702 Гражданского кодекса РФ, поскольку из договоров невозможно определить, какую именно работу должен выполнить подрядчик, а также признал, что правоотношения сторон не подпадают под действие норм материального права об аренде.

Таким образом, несмотря на то, что заявителем жалобы указывалось на необходимость оценки содержания договоров, исходя из общей воли сторон, кассационная инстанция, осуществляя толкование договоров в порядке ст. 431 ГК РФ, не приняла во внимание доводы заявителя жалобы.

В случае, если после этапа оценки буквального значения условий договора путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом содержание условий договора не удастся выяснить, суд должен установить «...общую волю сторон с учетом цели договора» (ч.2 ст. 431 ГК РФ).

Общество с ограниченной ответственностью «Прогресс - Старт» обратилось в Арбитражный суд с иском о признании недействительным решения инспекции Министерства РФ по налогам и сборам в части доначисления налога на добавленную стоимость, пени и налоговых санкций.

Решением суда, оставленным апелляционной инстанцией без изменения, в удовлетворении исковых требований отказано.

Как следует из материалов дела, инспекцией Министерства РФ по налогам и сборам проведена выездная налоговая проверка ООО «Прогресс-Старт» по вопросу соблюдения налогового законодательства. Проверкой выявлено несвоевременное отражение в налоговых декларациях налога на добавленную стоимость по авансовым платежам и оказанным услугам по сдаче в аренду имущества ООО «Прогресс-Старт».

ООО «Прогресс-Старт» получило аванс от ОАО «Прогресс» под оказание транспортных услуг, но в связи с отсутствием транс-

портных средств, а потому - невозможностью оказать транспортные услуги, истцом впоследствии на полученные денежные средства был заключен договор займа сроком на один год. Сумма займа отражена в отчетности как краткосрочный заем. В акте проверки зафиксировано, что истец должен был отразить эту сумму в бухгалтерском учете как аванс и включить в налоговую декларацию за четвертый квартал 1999 года налог на добавленную стоимость с этой суммы. В первом квартале 2000 года в связи переоформлением полученного аванса как займа - исключить налог на добавленную стоимость, который был исчислен с аванса и отражен в налоговой декларации за четвертый квартал 1999 года.

Как указала кассационная инстанция, в соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании договора судом принимается во внимание не только содержание договора, но и действительная общая воля сторон. При этом учету подлежит переписка и поведение сторон. Следовательно, при рассмотрении спора судебные инстанции для выяснения истинной воли, которую имели стороны при заключении договора, правомерно исходили из фактических отношений сторон.

Сам по себе учет ОАО «Прогресс» суммы займа как предоплаты за оказание транспортных услуг не может быть принят в доказательство перечисления спорной суммы за оказание услуг, если фактические отношения сторон не подтверждают этого.

Таким образом, поскольку материалами дела не подтверждено, что возврат спорной суммы производился истцом товарами, работами или услугами, у суда не было оснований для признания спорной суммы предоплатой за услуги, а также для признания правомерным доначисления налога на добавленную стоимость.

При таких обстоятельствах кассационная инстанция отменила решение суда первой инстанции и постановление апелляционной инстанции, а исковые требования ООО «Прогресс - Старт» удовлетворила.

Следовательно, арбитражные суды в случаях, когда прямое волеизъявление сторон - договор не позволяет уяснить содержание правоотношений сторон, выясняют общую волю сторон с учетом оценки актов волеизъявления: переписки, протоколов, соглашений о намерениях, фактических отношений, переговоров и т.д.

В нормах ГК РФ сделка и волеизъявление фактически отождествляются. Так, в

ст. 153 ГК РФ дается легальное определение сделки (которое практически не отличается от определения сделки по ГК РСФСР 1922 года и ГК РСФСР 1964 года), в соответствии с которым сделка по смыслу отождествляется с волеизъявлением.

Кроме того, в ст. 154 ГК РФ прямо указывается на то, что для совершения как односторонней, так и многосторонней сделки достаточно, соответственно, волеизъявления одной стороны либо согласованного волеизъявления двух или более лиц.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать о примате волеизъявления над волей в сделке. Кстати сказать, это обстоятельство демонстрирует рациональную реализацию в законодательстве принципа защиты публичных интересов (интересов гражданского оборота). Иначе говоря, в данном случае законодательство защищает интересы остальных участников имущественного оборота, которые зачастую (например, в случае, когда другой участник сделки заблуждается относительно предмета сделки) и не подозревают о дефекте воли другой стороны и могут судить об истинной воле контрагента только по его волеизъявлению. Поэтому несоответствие волеизъявления подлинной воле либо иные дефекты воли одного из участников сделки могут стать основаниями недействительности сделки только в случае, когда другая сторона знала о таких обстоятельствах.

Специфика юридического лица в гражданском праве, как субъекта, введенного в имущественный оборот государством «искусственно», обуславливает особенности формирования воли и волеизъявления юридического лица по сравнению с такими «естественными» субъектами гражданского права, как физические лица.

Среди органов управления юридического лица можно выделить органы волеформирующие и волеизъявляющие. В зависимости от количественного состава органов управления юридического лица процесс волеизъявления и волеформирования юридического лица может иметь либо коллективный, либо единоличный характер. Процесс принятия решения и его реализация (волеизъявление) может осуществляться как несколькими органами (например, общее собрание учредителей общества с ограниченной ответственностью принимает решение о совершении крупной сделки, а исполнительный орган от имени общества заключает сделку), так и одним органом (например, в случае совер-

шения сделки товарищем в полном товариществе).

Дифференциация компетенции органов управления юридического лица имеет значение для исследования вопросов действительности сделки в аспекте требований к соответствию волеизъявления подлинной воле юридического лица при совершении сделки.

Можно ли говорить о наличии у юридического лица воли на совершение сделки и соответственно о присутствии у юридического лица мотива, а также иных элементов воли как субъекта сделки? Учитывая природу юридического лица и способность осуществлять свою деятельность исключительно через свои органы, которые должны быть представлены дееспособными субъектами гражданского права, есть основания сделать вывод о единстве (тождестве) воли юридического лица и его органа в лице соответствующего дееспособного лица (дееспособных лиц, в случае коллегиального состава волеформирующего органа).

Дефект воли волеформирующего органа юридического лица при совершении последним сделок должен приводить к тем же последствиям, что и дефект воли гражданина. При этом учету подлежит воля лиц, составляющих волеформирующий орган юридического лица. В связи с этим не вызывает сомнений возможность применения к сделкам, совершаемым юридическим лицом, требований к нормальному формированию воли, а также к соответствию волеизъявления юридического лица его воле в сделке. Отсутствие единодушия в самом волеформирующем органе при принятии решения на совершение сделки не может оказать влияние на вывод о наличии единой и неделимой воли органа юридического лица на совершение сделки.

Важнейшим вопросом как для правовой оценки процесса волеобразования, так и для установления действительности сделки является проблема квалификации правоотношений между органом юридического лица и самим юридическим лицом как отношений представительства. Решение этого вопроса помимо теоретического имеет серьезное практическое значение, т.к. в случае признания волеизъявляющего органа организации законным представителем организации следует, что между самой организацией и ее органом складываются гражданские правоотношения представительства. При этом источником правового регулирования таких

отношений будут нормы главы 10 ГК РФ о представительстве. Это означает, что между организацией, действующей в лице своего единоличного органа, и лицом, осуществляющим полномочия этого органа, заключение договора (например, аренды или ссуды) в силу п. 3 ст. 182 ГК РФ не допускается. Такие сделки будут ничтожными как незаконные по ст. 168 ГК РФ.

В юридической литературе высказывается точка зрения о представительской сущности деятельности органа юридического лица. При этом отношения между организацией и ее единоличным исполнительным органом называются «законным представительством»⁷.

Выясним, имеются ли в законодательстве основания для вывода о представительских отношениях между органом юридического лица и самим юридическим лицом.

Законодатель установил (п. 1 ст. 182 ГК РФ), что полномочия представителя должны опираться на доверенность, указание закона, либо акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. Кроме того, полномочия могут явствовать из обстановки, в которой действует представитель.

Однако ни в ст. 53 ГК РФ, ни в нормах специальных законов о юридических лицах полномочия органов юридических лиц прямо не называются представительскими.

Юридические лица в силу особенностей своей природы не могут осуществлять свою деятельность иначе как через свои органы. Орган юридического лица неотделим от его правовой сущности.

Определенную специфику в призме рассматриваемого вопроса представляют собой договоры на передачу полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица управляющей организации (гражданину-предпринимателю). Например, хозяйственным обществам, созданным в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью, ст. 42 ФЗ РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью», разрешено заключение подобных договоров. В этом случае между организацией-клиентом и управляющей организацией (гражданином-предпринимателем) заключается договор на управление организацией клиента. При этом следует учитывать, что в данном случае договор заключается не между органом (который не является субъек-

том права), а между управляющей организацией (предпринимателем) и организацией-клиентом. Этот договор можно охарактеризовать как смешанный договор поручения и доверительного управления имуществом организации-клиента. Управляющая организация действует от имени и по поручению клиента по его генеральной доверенности и руководствуется в своей деятельности не внутренними документами клиента, а непосредственно договором на управление. Поэтому в случае заключения подобных договоров можно говорить не о деятельности органа юридического лица, а о деятельности представителя клиента в рамках реализации правомочий органа юридического лица, переданных по договору. При этом орган юридического лица, полномочия которого переданы управляющему, не исчезает и не ликвидируется, а действует в пределах соответствующего соглашения организации с управляющим либо на период действия договора приостанавливает свою деятельность.

Отметим, что отношения представительства не лишают представляемого полномочий на совершение самостоятельных юридических действий. Например, даже малолетние или лишенные гражданской дееспособности по решению суда граждане не лишены возможности совершать мелкие бытовые сделки (ст. 28, 29 ГК РФ). Однако юридические лица иначе как посредством волеформирующих и волеизъявляющих органов не способны реализовывать свою гражданскую правоспособность.

Таким образом, орган юридического лица есть необходимая и органическая часть правовой конструкции юридического лица как субъекта экономического оборота. Следовательно, распространять правовой режим гражданского представительства на деятельность органа юридического лица нет оснований.

Данный вывод находит свое отражение в практике Высшего арбитражного суда РФ. В Постановлении ВАС РФ от 09.02.1999 года № 6164/98 указывается, что «органы юридического лица, к числу которых относятся и руководитель, не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты гражданских правоотношений и являются частью юридического лица». Кроме того, в п. 2 информационного письма ВАС РФ от 23.10.2000 года № 57 устанавливается, что «в случаях

⁷ М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Договорное право, Книга первая, М.: Статут, 2001, С 815.

превышения полномочий органом юридического лица (ст. 53 ГК РФ) при заключении сделки пункт 1 статьи 183 ГК РФ применяться не может».

Сделанный вывод означает, что правоприменитель не вправе при заключении сделки волеизъявляющим органом при отсутствии одобрения сделки волеформирующим органом применять норму о возможности последующего «излечения» недействительности сделки посредством одобрения сделки представляемым (ст. 183 ГК РФ).

Однако в литературе встречаются мнения о том, что крупные сделки акционерных обществ, совершенные с нарушением установленного законодательством об акционерных обществах порядка и не одобренные впоследствии советом директоров или общим собранием акционеров, следует квалифицировать по п. 1 ст. 183 ГК РФ, то есть как действительные, однако создающие правовые последствия не для самого акционерного общества, а для единоличного исполнительного органа, превысившего свои полномочия⁸.

Следует обратить внимание на то, что ГК РФ в принципе не исключает распространение норм института представительства в порядке аналогии закона на юридические лица, но для этого, по крайней мере, необходимо, чтобы существовал пробел законодательства в этой области. Но в рассматриваемой области гражданского права пробела нет в связи с наличием в законодательстве общей нормы о недействительности незаконной сделки (ст. 168 ГК РФ), а также нормы о недействительности сделки, совершенной органом юридического лица с превышением полномочий (ст. 174 ГК РФ). Поэтому на сделки, заключенные юридическим лицом без одобрения уполномоченного на это органа, либо на сделки, заключенные органом за пределами его компетенции, определенно ограниченной законом либо учредительными документами юридического лица, распространяется правовой режим недействительности, установленный статьями 168, 174 ГК РФ, если иное не предусмотрено специальным законом о юридических лицах.